

55
20970

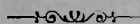
из

ПАМЯТНИКИ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

И. И. УЛЬЯНОВЪ.

МАТЕРИНСКІЯ ЗАПОВѢДАНІЯ

(ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ, ЛИЧНО СОБРАННЫХЪ НА ВОЙНѢ).

ПЕТРОГРАДЪ
1915

58
20970

ПАМЯТНИКИ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

103258

И. И. УЛЬЯНОВЪ.

МАТЕРИНСКІЯ ЗАПОВѢДАНІЯ

(ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ, ЛИЧНО СОБРАННЫХЪ НА ВОЙНѢ).

ПЕТРОГРАДЪ
1915

МАТЕРІАЛИ ДО ІСТОРІЇ

І. П. МАРИНО

МАТЕРІАЛИ ДО ІСТОРІЇ

МАТЕРІАЛИ ДО ІСТОРІЇ

• Отд. отт. изъ № 14065 „Новаго Времени“.

Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“.

I.

1. Отрывки изъ обрядовыхъ причитаній
матери солдата при проводахъ его на
войну:

Отлетаешь ты, младъ ясенъ соколъ,
Отъвзжаешь да добрый молодець,—
Оставляешь меня горькобѣдную,
И старымъ то да старѣшеньку;
Ужъ не носятъ меня рѣзвы ежоньки,
Опускаются бѣлы рученьки...
Охти мнѣ да тошнѣхонько,—
Замутились очи ясныя,
Все бѣжать мои слезы горькя,
Какъ болитъ то мое сердечушко,
Какъ кипитъ да кровь горячая,—
Ошибаетъ горе великое...
Наглядитесь да очи ясныя,
Вы въ запасъ же да наглядитесь
На своего сердечна дитятка,
На его то да лице бѣлое...
Ты роженое, мое дитятко,
Ты попомби родъ-племя любимое,
Да велики обѣты отцовскіе;—
Ты молися же Богу Господу
Въ городахъ то да во дальнихъ,
Во земляхъ то да украинныхъ,
Во полкахъ то да во солдатскихъ;—
Ты служи-ко да вѣрой-правдою
Государю да царю бѣлому;
Тебя Богъ-отъ да будетъ миловать,
Государь-отъ да будетъ жаловать,
Добры люди стануть завидовать.

Ты пиши-ко намъ письма грамотки
 На родимую на сторонку
 Со великаго поля ратнаго...
 Я продамъ тогда свои платица,
 Наживу да я золотой казны:
 Я куплю пелену Богородицѣ
 И рублеву свѣчу воску яраго
 Я Миколѣ Многомилосливу
 И Михаилу Господню Архангелу.
 Да хранить тебя сила небесная—
 Отъ копьевъ, штыковъ, сабелей вострыихъ,
 Отъ огня хранить она палящаго,
 И отъ пули, стрѣлы да летянца
 И отъ страха, отъ смерти напрасныя*.
 2. Изъ причитаній старушки-вопленицы
 отъ имени воина къ его матери (сѣв. губ.):
 Ужъ ты красное мое солнышко,
 Ты родимая моя матушка,
 Ты свѣча моя воску яраго,
 Ты верба моя золочѣная,
 Ты стѣна моя бѣлокаменная,—
 Ты прости-ко, да благослови меня—
 Послужить Царю благовѣрному,
 Спасать нашу Русь подселенную...
 3. Изъ солдатской пѣсни (сѣв. губ.):
 Ужъ вы матери, матери родныя...
 Не пройти вамъ по бѣлу свѣту за нами,
 Не смочить вамъ мать сыру землю сле-
 зами.
 Не наполнить синя моря горячими...

* Последнія слова приведеннаго при-
 читанія встрѣчаются также въ пись-
 махъ-заговорахъ, которые солдаты ино-
 гда носятъ при себѣ. Какъ извѣстно,
 матери солдатъ нашихъ сѣверныхъ гу-
 берни при проходахъ сыновей на войну
 даютъ имъ при особыхъ обрядахъ, со-
 провождаемыхъ причитаніями и молит-
 вами, разные вещи: иконки на шею, род-
 ной землицы, и засушенный сухарикъ
 въ узелокъ, молитвы-заговоры, пись-
 ма-благословенія и пр.

II.

«Ужь вы матери, матери родныя...»— съ этимъ святымъ именемъ русскій воинъ на поляхъ нынѣшней безпримѣрной брани почти не расстаётся: материнскіе завѣты и великія благословенія, молитвы, наговоры, умильные плачи-причитанія въ ласковыхъ прекрасныхъ словахъ (которыя безъ искусственной книжной формы еще хранить для науки нашъ Сѣверъ) горятъ въ сознании война «восковой свѣчой передъ Господомъ». Она, мать-горюшица о дѣтяхъ своихъ до гробовой доски, вспоминается воинамъ—и въ окопахъ въ минуты рѣдкаго затишья, когда грозныя условия войны влекутъ мысль въ невѣдомую область мировыхъ тайнъ путемъ-дорогою, проторенною богомольною душою пращуровъ,— и въ смертномъ бою за родимую землю, «за Русь подселенную»,—и въ минуты предсмертныя, послѣднія, когда взоръ умирающаго уносится въ далекую даль прошлаго и грядущаго: къ патріархамъ-отцамъ, отошедшимъ на вѣчный покой, и къ озаренному лучами безсмертія небу,—и наконецъ не забывается родная матушка и тогда, когда рука солдата-товарища чертитъ отъ стихійной глубины народнаго сердца имя матери умершаго война на крестѣ братской могилы.

Въ окопахъ. Въ окопахъ, гдѣ наиболѣе ощущается великая тайна страданія и смерти, движенія души война весьма сложны: мысли о Богѣ, родинѣ, домѣ, близкихъ быстро смѣняются думами—о войнѣ, врагѣ, долгѣ, ощущеніями—силы, ярости, жертвы, смерти. Окопная жизнь часто даетъ примѣры самобытности народнаго характера, иногда съ такими противорѣчіями, которыя сами по себѣ взятыя могутъ

поставить вгупикъ при разгадкѣ ихъ, но эти противорѣчя, при взаимномъ ихъ освѣщеніи (безъ предвзятыхъ взглядовъ), становятся лишь кажущимися и ярко выявляютъ изумительные первообразы натуры русскаго человѣка, глубокой какъ море.

Нѣкоторое представлеше о душевномъ состояніи воиновъ въ окопахъ даютъ записанныя нами показанія (нижеприведенныя въ отрывкахъ) участниковъ войны.

«Разговоры больше о войнѣ; мысли—о Богѣ, родной сторонѣ, о матери, женѣ, дѣтяхъ... о жизни своей,—да и о чемъ только не передумашь» (изъ опросовъ солдатъ и санитаровъ С. полка).

«Въ окопахъ часто молятся Богу, читаютъ молитвы-заговоры, данныя или присланныя (чаще всего) матерью, иногда молча сидятъ» (изъ показаній полковыхъ священниковъ, офицеровъ, студентовъ-санитаровъ III и VIII армій).

«Когда непріятель не тревожилъ, говорили о томъ, о семь; нѣкоторые молятся, что-то про себя шепчутъ, другіе земелькой изъ узелковъ окопы посыпаютъ, крестятся, иные просто сидятъ, думаютъ» (изъ опросовъ раненыхъ, находящихся въ лазаретахъ мѣстечекъ Лиско, Хирово, гор. Львова въ Галиціи).

«Родители часто падаютъ на умъ, видится родная матушка» (изъ показаній тяжело раненыхъ въ м. Балигородѣ).

Приведенныя выдержки изъ путевого дневника автора настоящихъ строкъ, разумѣется, далеки отъ мысли касаться *всѣхъ* переживаній нашихъ воиновъ въ окопахъ: тамъ, въ минуты боевого затишья, неожиданно можно услышать и пѣсню «умильную», и образное, окрыленное мѣткостью, цвѣтистое слово и смѣхъ веселый... Намъ интересуетъ въ данномъ слу-

чаѣ лишь та сторона переживаній солдата, которая затрагиваетъ его заповѣдныя думы, въ частности, связанныя съ именемъ матери, поскольку отголоски ихъ можно усмотрѣть изъ собраннаго нами (пока далеко недостаточнаго) матеріала.

Зарывшись въ землѣ сырой отъ тысячъ стальныхъ дулъ, отъ града свинца и снарядовъ, зорко сторожа каждый шагъ недруга, солдатъ въ то же время невольно глядитъ на все окружающее глазами, часто устремленными въ міръ невѣдомаго, охваченнаго мракомъ вѣчной тайны.

Въ глубинѣ народнаго богомольнаго сердца шепчутся материнскія молитвы, переживши вѣка заговоры; въ противовѣсъ вражескимъ пушечнымъ громамъ и огненнымъ мечамъ прожекторовъ, призывается (наравнѣ съ силами стихійными и человѣческими) и божественная сила меча Архистратига Михайла и сила заступничества «Миколы-угодника» и Ильи пророка, умоленныхъ и упрошенныхъ материнскою любовью. Вотъ для примѣра заговоры-молитвы изъ многихъ, читаемыхъ и хранимыхъ солдатами на поляхъ брани:

«Господи, Боже Великій, Царю безначальный, — пошли, Госноди, Архангела своего Михайла на помощь мнѣ, рабу твоему (имя); избавь мя тѣмъ отъ враговъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ. Господи, — день великій. Архангелъ Михайлъ, демоновъ сокрушитель, запрети всѣмъ врагамъ моимъ борющимся, сотвори ихъ сокрушенными лицомъ вѣтра; чудный Архангелъ Михайлъ, хранитель неизреченный бури; ты помощникъ во всѣхъ дѣлахъ, скорбяхъ и печаляхъ, морскихъ водахъ, въ тихихъ пристанищахъ; избави мя, великій Михайлъ Архангелъ, отъ всякія прелести дьявольскія, лукаваго человѣка, избави мя всегда, нынѣ и присно во вѣки вѣковъ. Аминь».

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Какъ Иисусъ Христосъ на масляничной горѣ неподвижно стоялъ, тако будетъ во имя Его всякая вражья сила неподвижна противъ насъ; какъ оружье или рука побѣдитъ этихъ враговъ, то побѣдитъ Самъ Господь; всѣ враги видимые и невидимые будутъ безсильны черезъ страдания и крестную смерть Господа нашего Иисуса Христа и повелѣніе Архангела Михаила».

Въ молитвенныхъ заговорахъ, обращенныхъ—а) къ Ильѣ пророку (хозяину громовъ, разъявжающему по тверди небесной и поражающему въ своемъ праведномъ гнѣвѣ огненными стрѣлами-молніями всякую злую силу),—б) къ Миколѣ-угоднику (которому дана власть надъ темными силами бездны подводной, власть на «всѣ воды и броды», и защита хлѣбородныхъ полей и луговъ,—а также вмѣстѣ съ Ильей пророкомъ и Архангеломъ Михаиломъ власть направлять души христіанскія черезъ рѣки огненныя предъ міромъ загробнымъ), — молятся: объ охранѣ отъ ружейныхъ пуль, отъ штыковъ, копьевъ вострыхъ и объ удачѣ на войнѣ; чтобы были посланы Ангелы въ златокорванныхъ платьяхъ съ луками и стрѣлами, да обстрѣливаютъ они враговъ, да спобораютъ злую силу громами и молніями, гнемъ и мечомъ и впереди, и позади, и посторопъ, и вверху ратоборцевъ.

Нѣкоторые заговоры кончаются такъ: «Заговариваю я свой заговоръ *материнскимъ заповѣданіемъ*; а бытъ ему во всемъ, какъ тамъ указано, во вѣки нерушимо. Рать могуча, мое сердце ретиво, мой заговоръ всему превозмогъ».

«*Материнское заповѣданіе*», — какой объемъ этого заповѣданія, какія молитвенныя дѣйствія и слова, окрыленныя вѣщою

глубою сердца народного, скрываются въ словѣ «заповѣданіе», мы не знаемъ,—но изъ причитаній матерей, обрядовъ, заговоровъ и думъ воиновъ мы можемъ до некоторой степени понять силу этого заповѣданія. Можемъ утверждать, что материнское «заповѣданіе», идущее отъ безбрежнаго океана стародавнихъ временъ къ кладезю солдатской души, даетъ опорные пункты пытливому духу воина, часто гуманенному въ области загадочно-таинственнаго и просвѣтляемому самоуглубленіемъ лишь въ приближеніи къ отцовскимъ завѣтамъ, къ материнскому заповѣданію, парящему на трепетныхъ крылахъ передъ мысленнымъ взоромъ.

Пусть не смущаются строгіе ревнители нашего православія, когда (какъ въ эту войну) изъ глубины вѣковъ тянутся къ стихійному сердцу народному и его пытливому уму суевѣрные слова отдаленнѣйшихъ ращуровъ, обожествлявшихъ вселенную съ ея тайнами бытія. Отголоски и ощущенія древнихъ вѣрованій у русскаго воина, пахаря-мечтателя съ пламеннымъ сердцемъ подвижника, связываются съ лучшими проявленіями его духовной жизни со стремленіями отъ земнаго къ небесному и никогда не переходятъ въ кощунство. «Материнское заповѣданіе» и завѣтныя думы, хотя бы они были и въ суевѣрныхъ формахъ, всегда вели къ правдѣ-истинѣ отцовъ, къ ихъ тысячелѣтней мудрости, къ боговдохновенному полету, съ чистымъ сердцемъ въ міръ невѣдомаго, путями, правда, незнаемыми, но всегда ищущими единенія съ Божествомъ.

Мысли воина въ окопахъ, вспыхивающія временами стихійнымъ одушевленіемъ, ищутъ исхода не только въ религиозныхъ завѣтахъ мистической старины,

не только въ правдѣ религиозной, спасающей и вынчающей жертву, но также и въ той правдѣ, которая движется войною— въ идеалахъ чести и защиты родины, въ завѣтахъ рода-племени, въ чувствахъ дорогой семьи и горячо любимой сильной своимъ нѣжнымъ безсильемъ матери. «Да и о чемъ только не передумаешь»... (см. выше) искренно сознаются солдаты. Куда только не слетаетъ ихъ мысль въ часы страднаго сидѣнья въ окопахъ: опустится она и въ бездонныя глубины прошлаго-стародавняго, безъ крылышекъ взвѣется въ высь лазурную поднебесную, полетитъ чрезъ лѣса дремучіе, рѣки быстрыя, горы толчучія, болота зыбучія, поля хлѣбородныя, на родимую на сторонущку. Тамъ и «денно и ноцно» воспоминаетъ война мать, съ трогательною любовью пишетъ она:

«Шлю тебѣ родительское благословеніе, на вѣки нарушимое... Низко кланяюсь отъ блага лица до сырой земли... Желаю тебѣ вернуться живымъ и утѣшить меня, мать свою, которая не знаетъ день и ночь покоя, все заботится о васъ, своихъ милыхъ и дорогихъ дѣтенышахъ. Ни одной минуточки не проходитъ, чтобы не побезпокоиться о васъ»... (Отрывокъ изъ письма матери къ сыну-солдату).

Съ умилешемъ читаютъ и слушаютъ войны письма съ родины; происходитъ великое взаимобытіе; въ благословеніи матери одного товарища видятъ общее благословеніе и для себя. Въ истомѣ-тоскѣ чувствуютъ они эти поклоны «до матушки сырой земли», къ которой припадаютъ теперь войны. Мысли бѣгутъ какъ во снѣ... Война забывается, пока суровая дѣйствительность не напомнитъ солдатамъ объ ихъ прямыхъ обязан-

ностяхъ. И кажется, что мать сыра земля чувствуетъ минутный разладъ въ душѣ солдатъ и, сохраняя ихъ въ своихъ нѣдрахъ, она какъ бы вливаетъ въ нихъ свою силу—«тягу земную», которая, проявляясь въ солдатахъ, даетъ имъ могучи духъ древнерусскихъ богатырей, непобѣдимыхъ и несокрушимыхъ.

И надо видѣть и почувствовать—какимъ религиознымъ благоговѣниемъ, почтительностью и любовью сына земли, кормящагося «я щедротами и теперь ею же защищающагося отъ врага, окружаетъ нашъ воинъ эту свою другую мать: онъ посыпаетъ ее пепломъ, даннымъ родимой матерью отъ домашнего очага (окруженнаго духами покровителями), и родною земелькою изъ узелочка, обвѣяннаго дуновеніемъ предковъ; цѣлуетъ ее въ кроткой надеждѣ, что она, земля, спасетъ его отъ смерти напрасныя, а онъ самъ возвратится на родимую сторонушку «пахаремъ на чисты поля, сѣнокосцемъ на дуги зеленые, вскормителемъ малыимъ дѣтушкамъ»; онъ, солдатъ, въ простодушной дѣйственной вѣрѣ своей готовъ поставить сырую землю даже выше матери родной, помня пословицу, что «добра мать для своихъ дѣтей, а земля до всѣхъ людей...» тамъ и дѣды и прадѣды; вѣдь она, и только она откроетъ ему свои объятія, когда пробьетъ часъ смерти его.

Мать сыра-земля съ ея чудесными свойствами шевелить въ душѣ сосредоточеннаго страстотерпца-воина тайны древняго обожествленія какъ самой земли, такъ и другихъ стихій и силъ природы,— и богобоязненная душа порою проситъ Всемилостиваго Бога словами заговоровъ—дать ему, солдату, силы отъ

сырой земли, зрѣнія очамъ отъ чистыхъ звѣздъ, храбрости-лихости буйныхъ вѣтровъ. А когда надъ полями, горами и лѣсами взойдетъ мѣсяцъ младъ «казацье солнышко» и откроется на небѣ яркая звѣздная розсыпь,—то тайна витающей кругомъ смерти препобѣждается тайною вѣчной жизни. И опять мысли бѣгутъ какъ во снѣ... спать бы по ночамъ... но спать, говорятъ солдаты, рѣдко ночью приходится: каждый порохъ, каждый звукъ, движеніе, стукъ—все держитъ вопль въ напряженіи,—вѣдь по ночамъ чаще всего бываютъ атаки.

Въ бою. Идетъ сильная орудійная стрѣльба, подготовляющая бой-атаку. Все небо освѣщено огнями, сверлятъ воздухъ шрапнели, рвутся ракеты. Тѣсныѣ жметя къ груди матери-земли сынъ деревни и полей свѣтлорусскаго простора, шепчетъ заповѣдныя молитвы, благословляется у отца и матери, въ ожиданіи приказа встрѣтить врага грудью.

«Передъ боемъ всѣ молятся, осѣняютъ себя крестнымъ знаменемъ» (изъ показаній офицеровъ); «нельзя не молиться: сыпетъ, сыпетъ, и шинели и фуражки пробиваетъ» (со словъ солдата С. полка).

«Въ бой идутъ съ неприятелемъ,
Богу Господу всѣ помолятся,
Другъ со другомъ прощаются,
Съ бѣлымъ свѣтомъ расставаются»...
(Изъ народной причети).

Самый бой—въ нынѣшнихъ условіяхъ невѣроятнаго грома орудій, ураганнаго огня, дыма, столкновенія всѣхъ сознательныхъ и безсознательныхъ грозныхъ силъ, преломленныхъ въ груди сотенъ тысячъ вѣиновъ, у которыхъ «свѣту бѣлаго нѣтука въ очушкахъ, — ставить труднѣйшую

задачу для его психологической характеристики. В дѣлахъ приближенія къ пониманію характера современныхъ титаническихъ боевъ и массоваго настроенія бойцовъ, можно сослаться лишь на вѣщее пророческое слово сѣверныхъ старушекъ-причитальницъ.

«Въ превеликихъ сраженіяхъ солдатскихъ,
Темны лѣсы къ землѣ приклоняются,
Люты звѣри въ страстяхъ разбѣгаются,
Съ переполоху птичекъъки падаютъ;
А какъ храбрые-то солдатушки
И палятъ и дробятъ и сражаются;
Сами ходятъ они по колѣнъ въ крови,
Они плаваютъ на плотахъ-тѣлахъ;
Туды-сюды кровь разливается,
Ретиво сердце разгорается;
Одна нала нога, другая стоитъ,
Гдѣ не можетъ рука, другая палитъ;
Гдѣ пулей неймаютъ, тамъ грудью берутъ,
Гдѣ грудь не беретъ, Богу жизнь отда-
ютъ»...

Приносится великая жертва за Русь святую, за ея вѣру, землю и народные идеалы.

Въ послѣднія минуты. Мысль умирающихъ воиновъ, озаряя готовую отлетѣть трепетную жизнь, сияетъ прозрѣньемъ Божества, принявшаго въ свое свѣтлое царство отцовъ, дѣдовъ, пращуровъ съдыхъ временъ... они живутъ тамъ, въ дивномъ сверкающемъ звѣздами небѣ. Объ этомъ говорилось еще въ пору золотого дѣтства. «Мама, маменька родная» (изъ показаній санитаровъ и докторовъ о послѣднихъ словахъ умирающихъ), шепчуть (часто это имя) готовая навсегда умолкнуть уста. Взоръ устремленъ къверху. Но «нѣту свѣтушка во темныхъ очахъ».

Темный шатер покрываетъ всё предѣлы земные. Ослабѣвающая рука дѣлаетъ послѣднія усилия достать на груди образокъ — дорогой завѣтъ родимой матушки и перекреститься Богу Господу («рука умирающихъ тянется сдѣлать крестное знаменіе и достаетъ на груди образокъ» — со словъ полкового священника К. Т. Е.)...

Да будетъ легкою земля имъ, святымъ страстотерпцамъ-воинамъ.

На землѣ ихъ стало меньше, въ небесахъ звѣздами больше.

Опять звучать вѣщія слова народныхъ жриць-плакальщицъ:

«А умершихъ солдатшекъ душеньки
Поднимаются къ красному солнышку,
И ко свѣтлому ясному мисяцу,
Ко божьимъ звѣздамъ подвосточнымъ,
Тамъ во облакахъ, може, сходятся,
Може съ ду-другомъ тамъ встрѣчаются»...

На братскихъ могилахъ. «Тѣло было ихъ мать сыра земля беретъ на житье-бытье вѣковѣчное»... Исполненъ долгъ, принесена жертва, разгадка которой хранится въ далихъ минувшаго и въ счастья грядущаго. Заросла для воиновъ путь-дорога житейская, земная; но не заростетъ путь къ ихъ могиламъ вѣчно благодарнаго имъ русскаго народа. Знаетъ онъ, что подвиги «чудо-богатырей» отнынѣ ложатся краеугольнымъ камнемъ новаго храма славы Россіи. Въ этомъ храмѣ стекутся всё народы земли и съ величайшимъ благоговѣніемъ прочтутъ тамъ огненными буквами начертанныя слова, — что Святая Русь принесла великую жертву за лучшіе идеалы человечества: прочтутъ и заплачутъ слезами умиленія... «Ужь вы матери, матери родныя»... Будете ли вы плакать тѣми же слезами уми-

леня къ беззавѣтной жертвѣ вашихъ дѣтей, память о которой пойдетъ въ долготу вѣковъ? Или вы заплачете иными слезами, слезами отъ сердца, тоскующаго о дѣтяхъ своихъ до гробовой доски? «Не плакать о судьбѣ ихъ, умъ намъ говоритъ». «Они сгорѣли чтобъ освѣтить путь счастья Россіи». «Мечемъ-лучемъ блеснули и скрылись въ небесахъ», гдѣ уже «горитъ звѣзда Россіи» (выдержки изъ надписей на крестахъ братскихъ могилъ). И истины сіи убѣдятъ ли васъ, горящихъ, утѣшатъ ли ваше сердце?... Нѣтъ ли тревоги,—что не слышали вы сыновнюю волю послѣднюю, что легли они въ мать сыру землю «безъ звону колокольнаго, безъ отпѣванія Господняго», не положены въ гробъ дубовый, не горѣли свѣчи передъ Господомъ, не оплаканы слезами рода-племени, не надѣли на нихъ ризы свѣтлыя, не воспѣты пѣсни духовныя... а пуще и горше всего—нѣту, нѣту ихъ больше:

«На встрѣчахъ не встрѣтятся,
На дорожкахъ не съѣхаться,—
Развѣ встрѣтятся во снѣ во грядущемъ»...

И могилы ихъ далеко,—какъ ихъ найти,—кто тамъ плачетъ падъ ними, кто цвѣты-вѣнки принесетъ?!...

Да, теперь, сказалъ бы поэтъ, надъ могилами воиновъ:

Ходятъ дозоромъ все облаки-тучи,
Плачутъ они своимъ дробнымъ дождемъ,
Тризны справляютъ лишь вѣтры плакучи
Тамъ надъ могилами, ночью и днемъ.
«Тише, вѣтры, не шумите,
Храбрыхъ воиновъ не будите»... (надпись).

Чувствуя народнымъ сердцемъ скорбь матерей по далекимъ дѣтямъ своимъ, солдатская рука чертитъ на крестахъ братскихъ могилъ:

«Сорвите былинки съ могильныхъ полей

И дайте ихъ въ руки родныхъ матерей».

Печальныя матери! Да успокоить васъ сознание величія жертвы и святости смерти вашихъ сыновъ, помнившихъ «заповѣданія» ваши до послѣдней минуты, сознание, ярко вспыхнувшее въ словахъ одной матери при извѣстии о смерти въ бою послѣдняго сына: «Слава Богу, умеръ хорошей смертью». Великая Россія не забудетъ вашихъ дѣтей; она имена ихъ сохранитъ, пока сама будетъ жива, и памятникъ воздвигнетъ въ сердцахъ дочерей и сыновъ своихъ отъ земли и до небесъ, куда скрылись русскіе воины въ безсмертной славѣ.

Львовъ, 16 марта 1915 г.

